

Рустем Вахитов

Теория идей и континенталистская геополитика у евразийцев и у Платона

Введение

На первый взгляд, русское евразийство 1920–30-х гг. и учение Платона не только имеют между собой мало общего, но и прямо противоположны друг другу. Евразийство принято воспринимать как теорию преимущественно геополитическую, объясняющую особенности политического устройства и даже духовной культуры тех или иных стран и народов их географическим положением, то есть явлениями материального порядка. Платонизм же есть величественная теория, утверждающая существование над этим бренным миром совершенных, прекрасных бессмертных идеальных сущностей — эйдосов, которые являются условием бытия земных вещей, то есть платонизм, напротив, философия идеалистическая. Да и политические идеалы евразийства и Платона, казалось бы, различны: у евразийцев это кочевая воинственная империя Чингисхана, у Платона — государство мудрых философов-мистиков, созерцающих трансцендентный эйдос справедливости.

Сближение евразийства и платоновской философии политики возможно разве что в полемическом плане, так как они так

или иначе стоят по ту сторону современного идеала либеральной демократии и не знают или прямо отвергают принцип индивидуальных политических свобод. На это указывал один из первых эмигрантских критиков евразийства Н.А. Бердяев:

С точки зрения истории идей в идеократии (евразийцев — *Р.В.*) вы узнаете старую утопию, изложенную в «Республике» Платона... Правящий слой, который будет носителем истинной евразийской идеологии, и должен создать республику Платоновского типа, управляемую «философами» (такими «философами» будут себя считать все евразийские молодые люди, никогда о философии не помышлявшие) [Бердяев 1993: 303].

Однако, из самого тона бердяевской критики видно, что он ставит рядом платоновских философов и евразийских деятелей не совсем всерьез, иронизируя над кажущимся ему одновременно нелепым и опасным этатизмом евразийцев. Кроме того, наличие у Платона и у евразийцев антидемократического настроения с точки зрения логики еще не говорит даже о частичном тождестве их учений; они могут критиковать демократию и права человека с совершенно разных позиций.

Вместе с тем, обратившись к трудам самих евразийцев, мы вдруг убеждаемся, что основатели и теоретики евразийства вполне серьезно воспринимали преемственность своих умпостроений по отношению к философии Платона, а также и неоплатоников (Назмутдинов 2013).

Теория идей у евразийцев

Начнем с того, что в философии евразийцы были вовсе не материалистами, пусть и особыми, географическими, а идеалистами и фактически платониками. Это трудно опровергнуть, даже если оставить в стороне христианского неоплатоника Л.П. Карсавина, который, несмотря на статус философа евразийского движения, все же пришел в движение довольно поздно и с уже сло-

жившимися взглядами (так что, думается, он просто приспособил свою философию к евразийскому учению).

С самого начала евразийцы осознавали себя как религиозные мыслители, что невозможно совместить с какой-либо материалистической философией (даже в первых сборниках евразийцев имеются страстные инвективы против «безбожного материализма»). Уже в статье «Подданство идеи» (1923) П.Н. Савицкий говорил о ключевом значении идеи для политического или экономического устройства государства (впоследствии евразийцы стали даже использовать термин «идея-правительница»), и если исходя из ранних работ еще можно предположить, что речь идет об идее в субъективном смысле, то работы П.Н. Савицкого и Н.Н. Алексева, написанные на рубеже 1920-х и 1930-х гг., однозначно свидетельствуют о платонической подоплеке евразийской теории идеократии.

Так, П.Н. Савицкий в статье «Власть организационной идеи» из сборника «Тридцатые годы» философией евразийства объявлял «эйдократическую концепцию сущего». Согласно ей установленные Богом «организационные идеи», или эйдосы (здесь у Савицкого, полагаем, более чем прозрачная отсылка к эйдосам Платона), являются основой как организационных идей в сознании интеллектуальной элиты определенной цивилизации, так и самого географического мира, в котором развивается эта цивилизация, ритмов ее истории и т.д. Савицкий писал:

в организационной идее каждого явления мы нащупываем его эйдос. И наблюдая, как эйдос управляет явлением, мы приходим к эйдократической концепции сущего — не только в политическом, но и в самом широком философском смысле слова. — В одних случаях, эйдос — перед тем, как раскрыться в мире — проходит чрез человеческое сознание. В этих случаях организационная идея есть, прежде всего, факт человеческого сознания. В других случаях организационная идея присуща самим вещам (физическая химия, география, биология) и только улавливается нашим сознанием, — но уже не в порядке действенной практики

(как в политике или экономике), а только в порядке познания [Логовиков 2013: 19–20].

При этом Савицкий прямо заявляет, что формулируемые интеллигенцией определенного народа организационные идеи, составляющие содержание идеологии государства, суть отражения эйдосов, господствующих в культуре и природе: «В политической области люди сознательным усилием достигают того, что в качестве устойчивого порядка господствует в мире истории и природы» [Логовиков 2013: 19].

Евразийский теоретик права Н.Н. Алексеев в книге «Теория государства: Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал» (Париж: Издание евразийцев, 1931) и вовсе прямо заявлял, что правящий отбор в элиту будущего евразийского государства должен осуществляться на основе знания «идей», которые в данном случае тождественны эйдосам Платона, и непосредственно связывал евразийский политический идеал с совершенным государством Платона:

не субъективная убежденность в истине, которой психологически обладает всякое мирозерцание, но объективное овладение ею может быть основой для высшего единения людей. Поэтому тот отбор, который соответствует природе совершенного государства, правильнее назвать не идеократическим, но *эйдократическим*, считая что эйдос в отличие от психологически окрашенного слова «идея» не есть одно из возможных многочисленных понятий о существующем, но необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый *смысловой лик мира* (курсив наш — Р.В.)... Ведущий отбор в совершенном государстве должен обладать подобным знанием высшего «эйдоса», должен быть до некоторой степени им «одержим». Другими словами, ему должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить и которая не может не объединять его в одно целое. Здесь раскрывается извечный смысл учения Платона о царстве философов [Алексеев 2000: 592].

Интересно, что дословно такое же определение эйдоса как смыслового лика дает русский философ-платоник А.Ф. Лосев в своей работе «Очерки античного символизма и мифологии»: «Если фиксируется оформленность смыслового лика с точки зрения ее отличия от всякого иного лика, то такая оформленность есть эйдетическая, эйдос» [Лосев 1993: 272]. Книга Лосева вышла в Москве в 1930 году, и Алексеев мог ее знать, так как книги Лосева были известны в эмиграции, более того, рецензии на них появлялись и в изданиях евразийцев.

Наконец, в статье 1933 года, опубликованной в польском журнале, П.Н. Савицкий открыто отвергает «географический материализм» и признается в объективно-идеалистическом, фактически платоническом характере евразийского учения:

их (евразийцев — *P.B.*) часто обвиняют в «географическом материализме»... Но то материальное, с которым они имеют дело, — это материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух. В истории евразийцы изучают организационные идеи и их носителей [Савицкий 1997: 111–112].

Таким образом, евразийцы, как и Платон, были убеждены, что основу земного бытия составляют объективно существующие идеальные сущности — эйдосы. Подобно Платону они считали также, что наилучшее государство такое, где управляют всем интеллектуалы, которые способны познавать эти эйдосы. Евразийцы лишь были убеждены, что эйдос той или иной земной культуры преломляется не только в истории и духовных достижениях народа или народов — носителей этой культуры, но и в географическом мире, который этот народ и народы выбрали в качестве своей Родины. И, соответственно, осознание народом (посредством интеллигенции, которую П.Н. Савицкий называет интеллектуальной предстоятельницей народа (Савицкий 1923)) самого себя предполагает и изучение его собственной географической ойкумены.

Континенталистская геополитика у Платона и евразийцев

Итак, первая часть расхожего заблуждения, о котором мы говорили вначале, опровергнута. Евразийство — никакой не материализм, а междисциплинарное учение, имеющее своей основой религиозную философию платонического толка (правда, выраженную фрагментарно, эскизно и не систематизированную). Но при желании можно опровергнуть и вторую его часть и показать, что у Платона также были наброски к своеобразной геополитической концепции, напоминающей евразийскую геополитику.

К примеру, в «Законах» Платон решительно выступает против того, чтобы его совершенное государство было приморским. При этом специально оговаривается, что целью такого государства является не «спасение во имя существования» (Платон 1999: 158) и не богатство, а сохранение нравственности у жителей. Именно поэтому государство, находящееся у моря, дурно. Платоновский Афинянин замечает:

Близость к морю хотя дарует каждый день усладу, но на деле это горячайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к остальным людям [Платон 1999: 156].

Государство, находящееся у моря, само не производит все, что ему необходимо, потому что может удовлетворить свои потребности при помощи торговли [Платон 1999: 155]. Итак, в таком государстве много торговцев, что согласно афинскому философу само по себе плохо, потому что торговля способствует распространению меркантилизма, эгоизма и гедонизма. Но при этом торговцы у древних греков были также моряками, так как торговые связи с другими странами эллины поддерживали через морские пути. Такое государство имеет большой флот. Однако Платон не очень высокого мнения о воинском духе моряков. По мнению

платоновского Афинянина из «Законов», моряки, которые высаживаются с судов, нападают на врага, а затем бегут на свои суда и отплывают, менее отважны, чем сухопутные бойцы, готовые стоять насмерть при натиске врага, потому что бежать им некуда (706b–706d). Преобладание моряков в армии полиса ведет, по мысли платоновского героя, к распространению «дурных привычек» даже среди «лучших граждан» (706d). Наконец, подытоживает Афинянин, «в государствах, которые обязаны своими силами флоту, почести достаются вовсе не лучшему из воинов... победа зависит от кормчих, пентеконтархов и гребцов, то есть от людей различных и не слишком дельных» [Платон 1999: 158].

На наш взгляд, здесь содержится намек на то, что в приморских государствах, в которых неизбежно развивается морская торговля, большим влиянием обладает демос, а не аристократия. Пентеконтарх, которого упоминает Платон — это помощник начальника триеры, богатый гражданин, за счет которого покупался провиант для триеры, матросы и рулевые триер были простыми гражданами, иногда не очень богатыми, кормчие и гребцы — вообще часто метеками и даже рабами [Гиро 2000: 419]; то есть экипаж триеры состоял в основном из представителей демоса.

Таким образом, согласно Платону, расположение государств вблизи от моря приводит к тому, что:

1) Государства эти не обеспечивают себя всем необходимым и стремятся развивать внешний рынок. 2) В этих государствах торговцы и вообще народ играют значительную роль в ущерб аристократии. 3) Моральный климат таких государств оставляет желать лучшего. 4) Эти государства не очень воинственны, их воины обладают низким боевым духом.

Совсем наоборот обстоит все в том случае, если государства находятся в глубине суши, что вызывает однозначную похвалу у Платона. Особенно Платону нравится, что экономика таких государств автаркийна, то есть самодостаточна: «Утешением в таких случаях служит то, что страна производит все необходимое» [Платон 1999: 156].

Конечно, нельзя забывать о том, что под государством Платон понимал небольшой город с прилегающими к нему деревнями, то есть античный полис, а не огромные многомиллионные государства современности, но все равно поражает близость сказанного платоновским Афинянином идеям основоположника геополитического и геоэкономического учения евразийцев П.Н. Савицкого, тем более, что, очевидно, Савицкий вовсе не отталкивался от произведений Платона, а формулировал свои взгляды, развивая учения русских и европейских географов и экономистов XIX века.

Еще в доевразийский период, в статье «Борьба за империю» (1916 г.), Савицкий проводил границу между империями приморского или океанического и континентального типа. Он отмечал, что в истории «наиболее сильные экономически, наиболее нуждающиеся в «хозяйственном дополнении» народы обыкновенно бывали в то же время народами-мореходами — финикийцы, греки, голландцы, англичане. Проводником их империалистического расширения было море. Наоборот, чисто политическое, милитарное могущество — часто не связанное с соответствующей экономической мощью — было обыкновенно уделом континентальных наций. И поэтому империалистическое расширение, исходящее из примата политического элемента, представляло собою чаще всего расширение континентальное. К типу «континентально-политического империализма», кроме Римской империи, можно отнести монархию Александра Македонского и Россию» (Савицкий 2004). Иначе говоря, по Савицкому, империи, созданные народами, находящимися в глубине континента, в основном имеют авторитарный характер и держатся на военном могуществе (как Македонская, Римская или Российская Империя), империи, созданные народами, живущими на берегу моря или океана, и занимающимися морской торговлей, основываются не на военной и государственной мощи, а на мощи экономической (как Британская, Французская и другие колониальные Империи).

В евразийский период своего творчества Савицкий развил эту мысль до логического завершения. Одной из основных идей евразийского учения является тезис о том, что именно природа «евразийского месторазвития» подталкивает живущие в «срединной Евразии» народы к созданию сильного централизованного государства. В статье «Географические и геополитические основы евразийства» Савицкий прямо пишет об этом:

Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода «сепаратизмов»... Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций... Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем это в Европе и в Азии... Недаром в просторах Евразии рождались такие великие объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (13–14 вв.) и др. [Савицкий 1997: 301–302].

Особую роль в евразийской теории играет образ Великой Степи. Она воспринималась евразийцами как своеобразный «континентальный океан», связывающий воедино удаленные уголки евразийского месторазвития. Именно наличие этой полосы суши, тянущейся в Евразии на тысячи километров, предопределило военно-авторитарный и имперский характер евразийских государств (и отсутствие такого связующего звена в Западной Европе превратило ее в конгломерат маленьких, национальных государств). Для того, чтобы контролировать Степь — эту сердцевину Евразии — нужен большой административный и военный аппарат; напротив, контроль над океанической империей, которая представляет собой европейскую метрополию и заморские колонии, не требует этого: в них экономические связи центра и периферии достаточны для удержания единства этого мира (так, в Британской Империи эту интегрирующую роль играла Ост-Индская компания).

Итак, для евразийцев, как и для Платона, свойственно убеждение, что континентальное положение государства предполагает усиление государства и развитие в нем военного начала.

Также Платон, как мы уже отмечали, обращал внимание на то, что приморское расположение государства обрекает его, выражаясь современным языком, на вхождение во внешний «мировой» (разумеется, под «миром» здесь имеются в виду известные грекам земли) рынок на правах лишь одного из участников, специализирующегося на производстве лишь определенных товаров. В «Законах» Платон говорит, что приморское государство не может и не стремится обеспечить себя всем необходимым: «если бы оно (государство — *Р.В.*) было приморским, с прекрасными гаванями и в то же время не производило всего необходимого, но испытывало бы во многом недостаток», такое государство получало бы недостающее при помощи морской торговли: «обладая большим вывозом, она (эта страна — *Р.В.*) снова наполнилась бы в обмен на него серебряной и золотой монетой» [Платон 1999: 155–156].

В то же время расположение государства в глубине суши подталкивает его к тому, чтоб оно стремилось обеспечить себя всеми необходимыми материальными благами самостоятельно, то есть к хозяйственной самодостаточности, автаркии. Причем симпатии Платона были, естественно, на стороне последней модели хозяйствования, т.е. автаркии, в развитии торговли и денежного обращения он видел залог разрушения нравственности народа [Платон 1999: 155–156].

Об этом же пишет П.Н. Савицкий в статье «Континент-океан» из первого евразийского сборника «Исход к Востоку»:

Для стран, выделяющихся среди областей мира своей «континентальностью», перспектива быть «задворками мирового хозяйства» становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью... При изолированности от мира — экономическая примитивность, связанная со строем «натурального хозяйства»... При вступлении в «мировое хозяйство» — неизбежная власть хозяйственно-географичес-

кой «обездоленности»... Но не открывается ли пред «континентальными» областями возможность — избегая изолированности примитивного натурального хозяйства — устранить, хотя бы отчасти, невыгодные последствия «континентальности»? Путь такого устранения — в расторжении, в пределах континентального мира, полноты господства принципа океанического «мирового» хозяйства, в созидании хозяйственного взаимодополнения отдельных, пространственно соприкасающихся друг с другом областей континентального мира, в их развитии, обусловленном взаимною связью [Савицкий 1997: 408].

Иначе говоря, Савицкий считал, что страны, расположенные в глубине континента (например, Россия), не могут конкурировать на мировом рынке со странами океаническими (например, Великобританией и США), ведь товары первых будут неизбежно иметь более высокую себестоимость, так как они будут тратиться на доставку своих товаров к морским портам, а провоз по суше всегда дороже провоза водным путем. Поэтому континентальные державы должны обеспечивать себя всем сами, а для того, чтоб такое натуральное хозяйство не было слишком примитивным, им следует объединяться в большие многонародные государства, охватывающие все хозяйственно значимые области.

Савицкий и впоследствии выступал за самодостаточность экономики России-Евразии; так, в статье «Степь и оседлость» он писал: «Хозяйство же России-Евразии образует, в перспективе развития, особый внутриконтинентальный мир» [Савицкий 1997: 340], такова же была программа евразийского движения, неоднократно выраженная в многочисленных коллективных манифестах и декларациях. А Н.С. Трубецкой в своей поздней статье «Мысли об автаркии» высказывал убеждение, что экономическая автаркия — идеал не только для России-Евразии с ее специфическим географическим положением, но и для других «государств-миров», например, для объединенной Европы. Таким образом, самодостаточность хозяйствования согласно Трубецкому (как и согласно Платону) — не только вынужденная мера, связанная с

географическим положением страны, но и вообще универсальный положительный идеал.

Впрочем, и Савицкий, который в этом вопросе был гораздо менее радикален, чем Трубецкой, думается, также воспринимал хозяйственную автаркию не просто как судьбу России, с которой ничего нельзя поделать. Вспомним, что геоэкономические воззрения Савицкого сложились еще до его эмиграции (в частности, их изложение мы находим в его статье 1916 года «В борьбе за империю»), то есть еще в тот период, когда Савицкий был кадетом и «правым либералом», а вовсе не евразийцем. Савицкий и тогда уже понимал, что континентальное положение России мешает ей достичь такого же развития торговли, как и у Британской империи, которая была образцом для конституционного демократа Савицкого. Но из этого он вовсе не делал вывода о спасительности экономической автаркии, а, напротив, вслед за Струве призывал сдвинуть вектор российской внешней политики к югу и добиваться контроля Российской империи над Босфором и Дарданеллами, чтобы дать России выход к мировому океану и превратить Россию хотя бы отчасти также в империю океанического типа.

Подведем еще один промежуточный итог. Платон тоже имел определенную геополитическую концепцию, пусть и выраженную в незавершенном, эскизном виде, и по сути своей эта концепция представляла собой континентализм (или, как еще выражаются, «теллуократию»), во многом близкий по духу евразийской континенталистской геополитике.

Связь теории идей и континентализма

Как видим, и политическое учение Платона и евразийство представляют собой парадоксальное сочетание континентализма в геополитике и религиозного идеализма в философии. При этом под геополитическим континентализмом мы понимаем предпочтение государств, находящихся в глубине суши, континента (строго говоря, у Платона в «Законах» речь идет о государстве,

расположенном в глубине острова Крит, но это, на наш взгляд, не принципиально), государствам, находящимся на побережье моря или океана, и связанное с этим предпочтение этатизма и экономики, ориентированной на автаркию, демократии и рыночной «открытой» экономике. Это сочетание придает платонизму самого Платона тот «материалистический привкус», который отсутствует, например, в позднейшем христианском и новоевропейском спиритуалистическом платонизме и который А.Ф. Лосев возводил к «стихийному материализму» всего языческого, античного мировоззрения.

Что же касается евразийства, то его «идеалистически-материалистический» облик бросался в глаза не только его критикам, но и самим основоположникам этого учения. В анонимном вступлении к «Евразийскому временнику» 1923 года мы читаем:

Евразийство в своих идеях и чувствах находится на пересечении двух планов: отвлеченного мышления и конкретного видения... в какой-то мере мы обращены и к религиозной сущности, и к самой насущной вещной реальности: мы метафизичны и в то же время этнографичны, географичны. Это сочетание нам кажется не случайным. Важнейшими заданиями современности считаем мы: с одной стороны пронизывание эмпирии духовной сущностью, с другой — воплощение веры в конкретно-жизненное исповедничество и делание [Евразийский временник 1923: 7].

Мы тоже считаем не случайным такое сочетание, но причину его видим не только в «вызове эпохи», современной евразийцам. А.Ф. Лосев в работе «Социальная природа платонизма» писал:

Многие считают себя платониками и думают, что это — какая-то абстрактная теория, с которой может быть объединена любая социально-политическая практика. Я доказываю, что как бы господа, именующие себя платониками, фактически ни рассуждали, они должны делать все те социальные выводы, которые с неумолимой диалектической необходимостью вытекают из Платона и фактически делаются также и самим Платоном [Лосев 1993: 778].

Далее Лосев показывает несовместимость платонизма, то есть «философии Идеи» [Лосев 1993: 779], с каким бы то ни было либерально-демократическим мировоззрением: «ведь каждый чувствует, что с Платоном несовместима никакая социал-демократия, никакой парламентаризм, никакое равенство, никакой вообще либерализм» [Лосев 1993: 778]; а также логически-диалектическую необходимую связь между учением о том, что миром правят вечные, совершенные идеи, и учением о том, что человек должен все свои силы и всю свою жизнь посвятить служению теократическому государству, если таковое возникло и ему выпало счастье в нем жить: «у Платона решительно все личное и человеческое приносят в жертву общему и государству» [Лосев 1993: 808].

Точно так же можно показать, что из философии платонизма логически проистекает континенталистская геополитика с ее апологией экономической автаркии, критикой рынка, а значит, с предпочтением континентальных государств приморским. Ведь если идеи пронизывают все земное бытие, то, значит, и экономическая сторона жизни общества должна быть подчинена идеям. То есть это уже не та экономика, где во главу угла ставятся материальная выгода и интересы отдельных индивидов, а такая экономика, где главное — справедливое и умеренное обеспечение всего общества, удовлетворяющее его потребности, но не поощряющее страсти и стремление к излишествам. Такая экономика, конечно, предполагает государственное централизованное распределение и исключает или сводит к минимуму рынок, ведь рынок стоит на стремлении людей к обогащению, пусть и за счет обнищания других, и является причиной роста потребительских настроений в обществе. Подобное общество, ставящее выше идеи, чем рост материального благосостояния, будет стараться обеспечивать себя всем само и не прибегать к внешней торговле. Однако построению и укреплению такого общественного строя способствует именно континентальное положение, удаленность от берега моря и океана, так как в этом случае меньше соблазнов

и объективных условий для избыточного развития рыночных отношений.

Таким образом, мы пришли к выводу, что между евразийской и платоновской философией существуют определенные параллели, а именно — обе они совмещают идеалистическое учение об идеях и континенталистскую геополитику, и это не случайно, а закономерно, потому что одно логически вытекает из другого. Конечно, это не единственная параллель. Можно, например, указать на то, что Платон пытался реализовать свой проект идеального государства при помощи тирана Дионисия Старшего, а затем и его сына; евразийцы также искали себе союзников среди советского руководства (так, левые евразийцы делали ставку на Тухачевского, которого в эмиграции считали будущим «красным Бонапартом»). Кроме того, и Платон, и лидеры евразийства (Трубецкой, Савицкий и Сувчинский) были аристократами, которые перед лицом свершившейся народной революции пытались возродить аристократический идеал (только не «аристократию крови», а «аристократию духа»). Но развитие и разъяснение этих и других параллелей потребует отдельной работы.

Литература

- Алексеев 2000 — *Алексеев Н.Н.* «Русский народ и государство» / Составители: А. Дугин, Д. Тараторин. М.: Аграф, 2000.
- Бердяев 1993 — *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: «Наука», 1993.
- Гиро 2000 — *Гиро, Поль.* Быт и нравы древних греков / Пер. с франц. Составление, обработка текста и комментарии К.В. Купченко и Н.В. Абрамовой. Смоленск: «Русич», 2000.
- Евразийский временник 1923 — Евразийский временник. Непериодическое издание под редакцией Петра Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Книга третья. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923.

- Логовиков 2013 — *Логовиков П.В. (Савицкий П.Н.) Власть организационной идеи // Евразийство и А.Ф. Лосев: миф и эйдос в русской мысли // Альманах «София». Выпуск 3. Уфа, 2013.*
- Лосев 1993 — *Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.*
- Назмутдинов 2013 — *Назмутдинов Б. Illegal Eurasia: Причины несостоятельности евразийской юриспруденции // Ab imperio 3 (2013).*
- Платон 1999 — *Платон. «Законы» / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во «Мысль», 1999.*
- Савицкий 1997 — *Савицкий П.Н. Континент Евразия / Сост. А.Г. Дугин. М.: «Аграф», 1997.*
- Савицкий 2004 — *Савицкий П.Н. Борьба за империю. Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С.М. Сергеев. М., 2004.*
- Савицкий 1923 — *Савицкий П.Н. Подданство идеи // Евразийский временник. Непериодическое издание под редакцией Петра Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Книга третья. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923.*